

Дмитрий Жуков

Классик, которого не было

Директор Пробирной Палатки и поэт, драматург, философ Козьма Прутков – фигура вымышленная, но так основательно утвердившаяся в русской литературе, что ему мог бы позавидовать иной реально существовавший писатель.

Вымышленное творчество Пруткова неотделимо от его вымышленной биографии, как неотделимы от них его внешность, черты характера... Он "смотрится" только в целом, неразделенном виде, таким его воспринимали современники, таким он дожил до наших дней.

Случаев мистификаций и создания литературных масок не счесть. Но все они были обречены на короткую жизнь и в лучшем случае известны лишь литературоведам. Козьма Прутков завоевал народное признание.

По разнообразию жанров, в которых он работал, Козьма Петрович Прутков превзошел своих предтеч и современников: Рудого Панька, Ивана Петровича Белкина, Ивана Чернокнижникова, Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама, Аполлона Капелькина и других. Стихами он писал басни, эпиграммы, лирику, баллады. Не чужды ему были драматические жанры: комедия, водевиль, драма, мистерия, естественно-разговорное представление... В его прозе можно усмотреть автобиографический, публицистический, исторический и эпистолярный жанры. Он писал полемические статьи и проекты. И наконец, своими афоризмами прославился как философ.

До сих пор неясно, писал ли Козьма Прутков пародии, подражал ли знаменитым поэтам или был совершенно оригинальным писателем. Только настроишься на одну из этих трех его ипостасей, как тут же попадаешь впросак – по форме вроде бы одно, по содержанию другое, а пораскинешь умом, познакомишься поближе со всякими обстоятельствами его эпохи, и окажется там и третье, и четвертое, и пятое... Вот, казалось бы, дошел до дна, аи нет – не одно оно у произведения достопочтеннейшего Козьмы Петровича, а столько, что и со счету собьешься и уж не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать над несовершенством бытия и человеческой натуры, начинаешь думать, что глупость мудра, а мудрость глупа, что банальные истины и в самом деле полны здравого смысла, а литературные изыски при всей их занятости оборачиваются недомыслием. Литературное тщеславие рождает парадоксы и выпренности, за которыми кроется все та же банальность, и даже в любом литературном абсурде и безумии есть своя логика.

Человеку свойственно обманывать себя, и литератору – особенно. Но в минуты прозрения он видит ярче других собственные недостатки и горько смеется над ними. Себе-то правду говорить легко, другим – сложнее... Потому что горькой правды в чужих устах никто не любит. И тогда появляется потребность в Козьме Пруткове, в его витиеватой правде, в мудреце, надевшем личину простака...

Один из афоризмов Козьмы Пруткова гласит: "Не совсем понимаю, почему многие называют судьбу индейкою, а не какую-либо другою, более на судьбу похожего птицею".

Творческую судьбу самого Козьмы Пруткова иначе как счастливою не назовешь. Употребляя в шутку и всерьез изречения писателя, иные не знают даже, кто породил эти меткие слова, потому что они теперь уже неотторжимы от нашей повседневной речи. Использование же афоризмов Козьмы Пруткова в газетных заголовках и статьях политических обозревателей и фельетонистов стало обычаем.

Басни. Крылова и бессмертная комедия Грибоедова "Горе от ума" обогатили русский язык. Это известно из школьного курса литературы. Козьму Пруткова в школе "не проходят", а ведь он может соперничать с Крыловым и Грибоедовым глубоким проникновением в родную речь плодов своего творчества.

Вот ты, читатель, обронишь иной раз мудрую фразу: "Что имеем, не храним; потерявши – плачем" – и сам того не знаешь, что повторил ее вслед за Козьмой Прутковым.

Ты жалуешься, что у тебя остался "на сердце осадок".

Ты предупреждаешь: "Держись начеку!"

Ты рассуждаешь: "Все говорят, что здоровье дороже всего; но никто этого не соблюдает".

А о Козьме Пруткове не думаешь!!!

Разве что, заметив: "Нельзя объять необъятное", – добавишь: "Как сказал Козьма Прутков". Да и то не всегда.

Другое дело – где собирал писатель эти плоды. В народе, разумеется. И,